

Протоиерей Борис Старк.
Ярославль, 1989 г.

Большевики не простили

Вовсе не по доброй воле покидали они родной город в июле 1918 года после неудачной попытки белогвардейского восстания.

Внучка известного промышленника и мецената, основателя технического училища Николая Петровича Пастухова Анна Волкова отказывалась уезжать, убеждая друзей, что ее дед и отец так много сделали для Ярославля, что никакая власть ей, рожденной Пастуховой, не может причинить вреда. Но друзья Анну Леонидовну буквально силой вытолкнули из города с крохотной дочкой и маленьким чемоданчиком в руках, объяснив, что ее муж Владимир Волков — офицер Черноморского флота, и большевики этого не простят. Ни в Россию, ни в Ярославль Анна и ее дочь, рожденная в 1917 году, так и не вернулись. Мыкались по Европе, познав с лихвой и нищету, и голод. Анна умерла в Австралии.

А вот другой внук Пастухова, Владимир Лопатин, не послушал родных и после разгрома белогвардейского восстания пошел в Волковский театр, куда его вызвали разгоряченные победой большевики. Владимир Лопатин по просьбе полковника Перхурова возглавил на время восстания городское хозяйство, так как прекрасно знал работу водопровода. Отмахиваясь от предупреждения родных, блестящий математик, выпускник Московского университета говорил, что просто спасал мирное население от голода и холеры, так что бояться ему нечего. Но большевики имели другое мнение: Владимир Семенович Лопатин был расстрелян за месяц до своего 40-летия.

Храм на улице Дарю

Тем, кто уехал после 1917-го, пришлось нелегко, но все-таки им повезло больше. И благодаря им удается собирать по крупицам историю раскиданных революцией семей, в том числе и ярославских. Сегодня в разных странах можно встретить тех, чьи предки родом из Ярославля или были причастны к Ярославскому краю. К сожалению, большой систематической работы в этом направлении не проводилось, так что открытия на этом пути еще только предстоят. Если

Ярославцы с улицы

Октябрьская революция 1917 года многих россиян заставила покинуть страну. Среди тех, кто вынужден был искать пристанище на чужбине, немало и ярославцев.

Собор Св. Александра Невского в Париже.

историю известных ярославских семей, например, Пастуховых, Елисеевых, Куракиных, еще можно проследить по упоминаниям в исторической литературе, прессе, архивным документам, то судьба большинства ярославцев, оказавшихся на чужбине, остается неизвестной.

Наибольшее число наших соотечественников, эмигрировавших в 1917–1922 годах, обосновались во Франции — на юге страны и в Париже. Центром жизни для всех русских в Париже был православный храм — Собор Святого Александра Невского. Находится он на улице Дарю (rue Daru), недалеко от Триумфальной арки, точнее, между Триумфальной аркой и парком Монсо. У храма растут березы, судя по возрасту, посажены как раз эмигрантами первой волны. Но сам храм был построен еще в XIX веке, строительство финансировалось российской зарубежной общиной и личными средствами царя Александра II. Освящен храм был 11 сентября 1861 года, а в 1922 году он стал собором. Именно судьба этого храма оказалась тесно связанной с русскими эмигрантами. Здесь молились, крестились, венчались. Например, венчался Пабло Пикассо с русской балериной Ольгой Хохловой. В декабре 1979 года дирижер, музыкант Мстислав Ростропович с женой Галиной Вишневской, известной певицей, провели венчание своей дочери.

Здесь и отпели многих русских: Ивана Тургенева, Федора Шаляпина, Василия Кандинского, Виктора Некрасова, Андрея Тарковского, Булата Окуджаву. А Иван Бунин в соборе на

улице Дарю венчался, и здесь же его отпевали...

Собор Святого Александра Невского, конечно же, не единственный православный храм, но самый известный в Париже, он является историческим памятником и находится под охраной государства.

При изучении истории купцов Елисеевых, во главе рода ко-

Митрополит Евлогий благословляет ребенка.

торых стоял предприимчивый ярославский крестьянин, мне удалось установить, что в самые тяжелые годы эмиграции именно Григорий Григорьевич Елисеев, открывший до революции знаменитые Елисеевские гастрономы в Москве и Петербурге, материально поддерживал приход православного храма на улице Дарю и отдельных прихожан. Причем никогда и нигде это не афишировал.

Русская француженка

В феврале этого года во время поездки в Париж мне довелось побывать в храме на улице Дарю: была надежда через приход найти следы ярославцев, вынужденных покинуть родной город после 1917 года. У стоявших за свечным столиком я спросила,

говорит ли кто в храме по-русски. Мне сказали, да, есть одна женщина. И позвали ее. Вышла очень милая француженка лет 75 и с весьма заметным акцентом представилась:

— Русская. Мария Ивановна Генко.

Мария Ивановна родилась уже во Франции, куда ее отец, офицер царской армии, вынужден был бежать. У них с мужем пять взрослых детей, которые со своими семьями живут в разных странах, один сын даже в России. Женится на русской. Впрочем, остальные тоже женаты или замужем за русскими, правда, кто в Швейцарии, кто в Англии, кто во Франции. По-русски мало кто говорит. Они с мужем говорят, но писать по-русски у Марии Ивановны не получается, да и читать тоже. Но Мария Ивановна за два часа общения рассказала о таких деталях из жизни русских эмигрантов, о каких ни в одной энциклопедии не прочтешь.

Например, я спросила Марию Ивановну, почему в православном храме почти все женщины без платков и вообще с непокрытой головой. Француженка рассказала, что в 20-х годах XX столетия, когда многие в эмиграции оказались без средств к существованию, женщинам не на что было купить хлеба, не то что шляпку или платок. И церковь для них была единственным местом, где они могли чуть-чуть отойти душой, поплакать, помолиться. И неужели их выгонять из храма только потому, что у них нет платка? И непокрытая голова стала своеобразным отличием православных эмигранток. А спустя десятилетия их внуки и правнучки нарочито не покрывали голову в храме, обозначая тем самым, что они являются потомками русских эмигрантов.

Верить или не верить

Еще меня удивило, что в православном храме сидят, как в католическом. Чаше всего это потомки русских эмигрантов, которые, выйдя замуж или женившись, стали кто католиками, кто и вовсе атеистами, но в храм приходят в память о предках, не вдаваясь в религиозные отличия.

Когда в СССР объявили перестройку и пригласили эмигрантов приезжать на родину предков, в православном приходе на улице Дарю разгорелись ожесточенные споры. Одни поверили, что теперь страна будет действительно открытой и мож-

но без опаски ехать, другие настаивали, что коммунистам вообще нельзя верить, и вспоминали, как Сталин в 30-х и 50-х годах призывал эмигрантов вернуться на Родину, обещая не только жизнь, но и работу. Многие поверили и поехали с восторгом домой. И на самом деле работу они получили, правда, в лагерях на Колыме: несколько тысяч человек, вернувшись из эмиграции, из Парижа, сразу же были репрессированы.

Ярославцы на чужбине

В соборе Александра Невского мне удалось купить книгу «Пасхальный свет на улице Дарю». Это Дневники Петра Ковалевского за 1937 — 1948 годы, в которых день за днем подробно описана церковная жизнь русских эмигрантов в Париже. Встречается немало имен, знакомых ярославцам.

Вторник, 30 августа/12 сентября 1939 года. *Вчера в больнице в Булоне скончался после второго удара наш знаменитый художник академик Константин Алексеевич Коровин. Последнее время он очень нуждался и хоронить его будут на собранные средства.*

В Дневниках неоднократно встречается имя Бориса Георгиевича Старка.

Суббота, 1/14 октября 1939 года. *Большого торжества из-за военных событий не было устроено... Чин освящения прошел очень гладко и чинно, Митрополиту сослужили о. Николай Сахаров, о. Никон, о. Александр Калашиников и о. Лев, а на литургии — о. Борис Старк.*

Отец Борис Старк был священником русского православного кладбища Сен-Женевьев-де-Буа и отпевал многих русских знаменитостей. Имя протоиерея Бориса Старка известно всем ярославцам: вернувшись из эмиграции, супруги Старки в скором времени были направлены в Ярославль. Жили в скромном домике на улице Гужевой, в 1996 году протоиерей Борис Старк скончался и похоронен в Ярославле на Туговой горе.

А вот личность другого ярославца, который упоминается в Дневниках Петра Ковалевского, пока установить не удалось:

Суббота, 5/18 декабря 1948 года. *Только придя на Всенощную на Дарю, узнал, что еще в среду совершенно неожиданно скончался и был погребен в пятницу член нашего приходского совета Сергей Иванович Соловьев. Никто не был извещен, и на отпевание не пришли даже его ближайшие сотрудники. Сергей Иванович был одним из самых основных и верных прихо-*